

*Неприкрытая постоянством, не утратившая огня,
Шла Любовь босиком по пятнам и обрывкам чужого сна.
Но не липли к ногам болезни, пыль дорог не смела взлететь,
Шла Любовь, и склоняли колени те, чьи взгляды дарили смерть.
Мир боялся вздохнуть, шелохнуться, а секунды стучали в такт.
«Обернись! Позволь мне проснуться! Дай мне право и дай мне знак!
Я уже никогда не обижу, я не струшу и не предам.
Я дождем поползу по крышам, жизнь за слово твое отдам!
Обернись! Возьми мою душу...»
Птицы пели, и трава пробивалась там, где след светил на песке.
«Я — Любовь. Я — Великая Малость, я навеки теперь в тебе...»*

ПРОЛОГ

Давным-давно...

Жизнь в Москве и Петербурге была куда интереснее местных зловонных болот, раздолбанных глинистых дорог, сбора урожая с последующей продажей пшеницы, споров с приказчиком и вынужденных чаепитий с соседями. Павел не был готов расстаться с именем матери, но и не испытывал никакого удовольствия от сельской жизни, пропитанной стойкими ароматами коровника. Раньше этим богатством заведовал старший брат, но полгода назад Алексея дернула нелегкая отправиться в путешествие, где он подцепил неизвестную желудочную болезнь и довольно быстро сгорел, прометавшись в беспамятстве чуть больше недели. Павел пил с перерывами полтора месяца, а затем, вспомнив далекое предсмертное благословение матери, собрался и приехал в Семеновское выполнять свой долг. Долг имел весьма обширные территории и сложное хозяйство.

Павел Андреевич Воронцов — младший сын покойного графа Андрея Григорьевича Воронцова, последние пять лет в основном блистал в Петербурге. Шумные друзья, прекрасные женщины, никаких обязательств, скачки, премьеры... Что может быть лучше? Павла вполне устраи-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

вали те необременительные дела в городе, которые требовались для управления отцовским наследством. Повезло, старшего брата, наоборот, интересовала земля и все, что с нею связано. Но теперь весну, конец лета и осень точно придется проводить здесь. «Не стоит доверять хозяйство кому бы то ни было, пока сам не научишься доить коров», — любил говаривать Алексей, и, если учесть, что имение процветало долгие годы, он был прав.

Зима затягивалась, конец февраля выдался на редкость снежным, что сбивало по срокам планы Павла. Определенные договоренности по продаже леса ждали лучшей погоды, и это несколько выбивало из колеи. Но нынче март, и пора бы уже солнцу заявить о своих правах и наконец-то согреть Семеновское.

Оставив лошадь около древнего дуба, сразу за поворотом, он немного прошелся по дороге и углубился в сосны, желая посмотреть, насколько растаял снег за последние десять дней. Если поля уже начали освобождаться от белых одеяний, то в лесных чашах ситуация оставляла желать лучшего.

Вернувшись на дорогу, Павел распахнул полушубок и так стоял с минуту, давая возможность холоду пробраться к телу. Отлично. Упрямство зимы пошло на спад.

Со стороны дальнего поля двигался экипаж, а желания вступать в светскую беседу сейчас не было. Павел направился к лошади, заранее зная, что пролетка все же нагонит его, и хорошо, если не придется разговаривать с какой-нибудь напудренной мамашей, мечтающей поскорее выдать замуж одну из своих дочерей. На него уже

Ветер подскажет имя

давно объявлена охота: знатные семейства почти ежедневно зовут на бесконечные обеды и ужины. У Павла в зависимости от настроения подобные приглашения вызывали либо едкую усмешку, либо колючую злость. Как можно желать такого зятя, как он? Да, обеспечен, к тому же граф, но вряд ли он способен даровать хоть кому-нибудь счастье и постоянство. «Я готов переспать с вашей очаровательной дочерью, и даже два раза, но на большее не рассчитывайте».

Зная все минусы сельской жизни (слухи здесь разлетались быстро), Павел держался подальше от юных красавиц из почтенных семей. Его вполне устраивали сельские девушки, да и не так много времени было на развлечения. В январе Павел позволил себе короткий роман с молодой вдовой Елизаветой Ковальской, но холод и капризы быстро наскучили. Он без сожаления бросил ее, получив напоследок типичный женский скандал и вдохновенный шепот сплетниц за спиной. «Радуйтесь, курицы, — весело думал он тогда, — вам будет о чем поговорить холодными зимними вечерами».

Пролетка чуть обогнала и резко притормозила, отбросив в стороны комья грязи, облепленные коричневой кашей снега. Вороная дернулась, фыркнула и замерла, не смея перечить хозяину ни одним движением. На месте извозчика сидел Яков Петрович Стрыгин, лицо его отражало недовольство, впрочем, подобное настроение было ему свойственно.

— Я слышал, Павел Андреевич, вы хотите сбить цену на лес... Не советую вам этого делать, — вместо привет-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ствия произнес Стрыгин и выпрямился, демонстрируя мощь своей внушительной фигуры. — Я лесом торгую уже десять лет и не позволю, чтобы кто-то вмешивался в мои дела.

— Поезжайте с богом, у каждого своя дорога, — ледяным тоном ответил Павел, бросив короткий взгляд на девушку, сидевшую за спиной Стрыгина. Обыкновенная. Бледная. Наверняка боится отца до смерти. Собственно, правильно делает, однажды он ее сожрет и не подавится: или продаст замуж подороже, или превратит в пожизненную прислугу, или отправит в монастырь, если надоест и не оправдает надежд на перспективный брак. А она не оправдает. Простенькая, без лоска и шика, глаза, пожалуй, красивые, и смотрит внимательно, точно книгу читает. Не пустышка, наверное, но тем хуже для нее.

— Последнее слово будет за мной! — рявкнул Стрыгин, хлестнул вороную и понесся вперед, не слишком беспокоясь о том, как трясет сзади его дочь.

Павел скривил губы, тихо произнес: «Посмотрим», и продолжил путь к лошади. Встреча не оставила следа в душе, в делах он всегда поступал так, как считал нужным, и чужие проблемы ничуть не волновали. Но, кажется, он где-то встречал эту девчонку, сейчас ее темно-русые волосы были собраны на затылке, а тогда распущены по плечам... Нет, не встречал. А если и было, то в какой-то другой жизни, о которой помнить не обязательно и глупо. Вскочив на лошадь, Павел уже через минуту обогнал пролетку Стрыгина, но, размышляя уже о другом, он не удостоил экипаж даже мимолетным взглядом.

ГЛАВА 1

Пару дней назад мозг, душу и, возможно, печень победил коньяк. Глеб сутки провалялся в номере, а потом выполз на улицу с устойчивым желанием посетить первую попавшуюся японскую забегаловку и опрокинуть в себя острый том-ям.

«Желательно сразу две порции. Креветки-и, кревету-лечки-и-и...»

Настроение балансировало между «да гори оно все огнем» и «а жизнь-то налаживается», и совершенно не хотелось думать о том, что свобода имеет четкий временной предел. Почему-то никогда не получается насладиться ею сполна, вот еще бы денек или два...

До лета оставалось меньше недели, и Глеб потратил уйму денег на дорожную качественную одежду. Он понятия не имел, где оседают его шмотки. Некоторые вещи, конечно, кочевали вместе с ним с небес на землю и обратно, но большая часть обычно оставалась забытой и брошенной то в отеле, то на какой-нибудь квартире, то в баре. По городам и селам гораздо приятнее гулять налегке.

— Деньги — это же пыль, верно? — насмешливо произнес Глеб, дырявя взглядом вытянутые перистые облака.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Злоупотребив в кинотеатре попкорном, он выпил две бутылки минералки и почувствовал острую потребность в физических нагрузках, да таких, чтоб спина взмокла и со лба пот капал. «Нет, и не уговаривайте, не уговаривайте, — мысленно протянул Глеб с усмешкой, потирая заросшую щеку. — Тренажерный зал мне совершенно не нужен, есть и другие способы хорошенько попотеть. — Его взгляд остановился на аккуратной груди стильной брюнетки, доедающей мороженое на летней веранде кондитерской, и улыбка стала тоньше и многозначительнее. — Да, я знаю один приятный способ расслабиться и одновременно получить неплохую физическую нагрузку...»

Глебу нравилось слоняться по улицам Москвы, заводить короткие необременительные знакомства, искушать, соблазнять и испытывать чувство глубокого удовлетворения от каждого вдоха и выдоха. Иногда, правда, не хватало остроты ощущений, но всегда же можно самостоятельно повысить уровень адреналина в крови (было бы желание и свободное время, а уж и того, и другого хватало с избытком).

Размышляя над тем, где бы провести вечер, Глеб свернул к первой попавшейся кафешке и заказал двойной американо с шоколадным эклером. Пирожное тянуло на слабенькую тройку, без вмешательства силы воли его и разжевать-то не получилось: сухое тесто, настоячивые привкусы маргарина и дешевого какао, каменная глазурь с белесым восковым налетом.

— Дрянная кухня.

Ветер подскажет имя

Недовольно поморщившись, Глеб вытянул ноги, почесал затылок и обвел взглядом небольшой плотно заставленный круглыми столиками зал, и беззлобно, с легкой иронией подумал: «Да что ж вы, сволочи, эклеры губите... Какую хрень вы в них пихаете, а?»

Отодвинув тарелку, Глеб сделал большой глоток кофе и лениво посмотрел на стойку с прессой: газеты, журналы и наверняка полно всякого рекламного хлама... Около весьма скромного винного шкафа, уткнувшись в мобильник, сидела «юная Ассоль» в синей толстовке и потертых джинсах, левее неторопливо доедал салат маловыразительный мужчина лет сорока, задумчивая блондинка смотрела в окно, ожидая заказ, тощий парень большими глотками пил чай и с явным аппетитом ел... шоколадный эклер. Не может быть.

«Тебе его черной икрой обмазали, что ли?»

Несколько секунд Глеб следил за действиями паренька, а затем, усмехнувшись, отвернулся и с сомнением посмотрел на старомодную потрепанную папку меню. Нет, рисковать с обедом не стоило, лучше отправить в более подходящее место, где любая закуска — это праздник вкуса, а телятина сравнима с песней и является гордостью шеф-повара. А еще не помешал бы бокальчик незаурядного красного...

Представляя на белоснежной тарелке отличный кусок мяса с прожаркой медиум, Глеб мысленно отрезал небольшой кусок, повертел его на вилке и задумался над тем, а какой соус порадовал бы сейчас особенно. Но мечты, пропитанные свежемолотым черным перцем

ЮЛИЯ КЛИМОВА

и ароматами трав, задрожали и предательски оборвались, оставив после себя раздражительный привкус недосказанности. «Здрасте, приехали... — протянул Глеб, чувствуя нарастающее тепло в ногах, мгновенно распространяющееся по всему телу. — Можно подумать, я оказываю сопротивление. Да, между прочим, я спокоен и бледен, как ангел в предрассветный час, так что могли бы обойтись и без спецэффектов...»

Тихо засмеявшись, Глеб расслабил мышцы, нарочно демонстрируя полнейшую покорность судьбе. Но в груди уже поднималась волна протеста: интуиция подсказывала, что следующая задачка будет не из привычных, а точно такая же, как в Утятино¹. Его же не вызывают спешно наверх, не инструктируют и не желают удачи на дальнюю дорожку. Если задание повторится, то впереди как минимум десять дней позора...

«Нет».

Однако надежда на избавление все же заерзала в душе, отчего медленно, но верно адреналин пополз вверх, азарт дернулся под ребрами и затянул с хрипотцой: «Еще не вечер, еще не вечер...»

Поддаваясь тяжести в затылке, Глеб против воли повернул голову и вновь посмотрел на парня, еще пару минут назад поглощавшего с аппетитом шоколадный эклер. Молодой человек протянул руку, взял салфетку, вытер губы, глянул на часы и положил деньги в пап-

¹ Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «В ее сердце акварель».

Ветер подскажет имя

ку-счет. Поднявшись, он подхватил рюкзак и уверенно зашагал к выходу, будто несколько секунд назад вспомнил о том, что он самый занятой человек на свете. По сути — ничего примечательного, банальная сцена из рядовой жизни, но...

Парень.

Не девушка.

«Уже хорошо. Ну и кто ты у нас?» Глеб мысленно прикинул, хватит ли у него наличных, чтобы расплатиться быстро, и принял решение занять пока выжидательную позицию. Рановато предъявлять претензии, вдруг обойдется...

Неторопливо вынув из кармана пару сотен, он небрежно бросил их на стол и, продолжая надеяться на лучшее («Больше никакой гребаной романтики»), качнулся на стуле, демонстрируя наивысшую степень равнодушия и спокойствия. Собственно, далее можно не шевелиться, сейчас до боли «родная» сила поставит его на ноги и придаст ускорения в нужную сторону. Последние секунды отдыха и покоя.

— Ладно, посмотрим, что вы мне приготовили, — тихо с улыбкой произнес Глеб, глядя, как за парнем медленно закрывается стеклянная дверь. — Мы же всегда сможем договориться, правда?

Ответом был легкий толчок в спину и напряжение в коленях, будто уже пробежал километр и теперь нужно немного пройтись, давая возможность уставшим мышцам расслабиться. Глеб резко встал, подарил лучезарный взгляд молоденькой официантке и, направляемый

ЮЛИЯ КЛИМОВА

невидимой силой, быстрым шагом устремился следом за парнем. Сейчас даже нравилось плыть по течению. Да, наворотил немного дел, но искупил же, так давайте вернемся к старым добрым отношениям: на планете Земля наверняка найдутся доблестно-рискованные подвиги для первоклассного охотника. Что там у паренька в рюкзаке? Священная реликвия? Один точный удар по макушке и...

— Шучу, шучу, — весело произнес Глеб и почувствовал, что к нему вернулся контроль над телом, а вместе с ним и легкость в душе.

Парень шагал довольно уверенно, его явно не интересовал общественный транспорт. Видимо, цель близка и оставалось пройти не так уж и много, чтобы достичь желаемого. Новый Арбат, Поварская улица... Свернув во дворы, оставив позади свежевыкрашенное здание школы, парень достал из кармана мобильник, остановился, понажимал кнопки и, обнаружив необходимую информацию, пошел к подъезду жилого дома.

«Похоже, любитель мертвых шоколадных эклеров — обыкновенный курьер», — мысленно предположил Глеб и ускорился, гадая, какая преграда ждет впереди: кодовый замок или консьержка. При первом варианте всегда меньше возни, неодушевленные предметы послушно отдают истории своего прошлого или дарят нужные ощущения, на основе которых не сложно сделать правильные выводы. Люди же... Вообще-то тоже не проблема, но на них приходится тратить гораздо больше особой силы, что, конечно, бесспорный минус. Жди потом,

Ветер подскажет имя

когда восстановится. Небесная канцелярия четко ограничивает способности своих сотрудников, чтобы некоторые из них не пускались во все тяжкие и не слишком-то вмешивались в земную жизнь.

Усмехнувшись, Глеб спокойно зашел в подъезд (дверь за любителем эклеров закрывалась медленно, тут бы и слон успел) и, притормозив около лифта, сделал вид, будто нажимает кнопку вызова. Цепкий взгляд прицельно метнулся в сторону парня, стараясь не пропустить ничего важного и интересного.

«Давай, порадуй меня чем-нибудь хорошим. Меньше всего мне хочется таскаться за тобой целый день».

Молния рюкзака издала резкое и долгожданное «вжик», интуиция кольнула в носу, Глеб замер, уже догадываясь, что увидит в следующую секунду. Вынырнув из темных недр, белый узкий конверт очертил полукруглую траекторию и бесшумно отправился в один из почтовых ящиков. Парень подхватил рюкзак и с чувством выполненного долга под скрип дверной пружины покинул подъезд. Кодовый замок оказался сломан, не пришлось даже кнопку нажимать.

— Курьер, что и требовалось доказать.

Третий ящик справа. Глеб, оттягивая момент истины, медленно спустился по лестнице, качнулся на пятках, провел пятерней по волосам, протянул руку, сунул пальцы в узкую щель и резко дернул на себя дверцу ящика. Старенькая дверца хрипнула, расшатанный замок сделал одну достойную попытку сопротивления и все же сдался, отдавая желаемое врагу.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«*Щербаковой Екатерине Алексеевне*» — значилось на конверте, и Глеб, сжав зубы, со всей силы врезал кулаком по почтовым ящикам — бац!

— Какого черта! — рявкнул он, зная, что за последнее слово получит сполна. И долго ждать не пришлось: бок обожгла предупредительная боль и мгновенно пересохло во рту. Глеб попытался втянуть в легкие побольше воздуха, сморщился, сделал короткий шаг и врезал по ящикам второй раз. Надежда рухнула, теперь можно дать волю чувствам, хуже уже не будет. — А не хотите ли поговорить о старой доброй справедливости? На чем там у нас держится мир? На любви и доброте к ближнему? Да, признаю, накосячил самую малость, но за это уже отпахал! — Глеб стоял, задрал голову, и ждал ответа, будто он и вправду мог появиться на старом пожелтевшем и потрескавшемся потолке подъезда, но ничто не нарушило тишину. Злость предательски пошла на спад, а хотелось, чтобы она, наоборот, росла и крепла, подбрасывая дрова в огонь. — Сколько их будет? — сухо спросил Глеб, бросая резкий взгляд в сторону лифта. Нет, показалось, никто не едет. — Так сколько их будет?

Он знал, что случайности теперь исключены и чутье или действие определенной силы всегда укажет нужный путь.

Лифт.

Не показалось.

Глеб быстро поднялся по ступенькам, и взгляд сразу остановился на серой полоске с нумерацией этажей. Та цифра, которая призывно горела, и являлась ответом на его животрепещущий вопрос.

Ветер подскажет имя

— Пять? Что? Пять?! Нет... Слышите? Я сказал — нет. Пусть две. Ладно, пусть две. Но не больше! И я даже готов починить этот гребаный почтовый ящик, но только две! — Глеб подождал немного, неотрывно глядя на неизменно светящуюся цифру, затем издал протяжный стон и быстро добавил: — Но мы еще поговорим об этом, да? Позже поговорим!

Сдержав порыв смять конверт, он положил его на ладонь, сосредоточился и закрыл глаза, стараясь мысленно проникнуть под плотную бумагу, чтобы не увидеть, а скорее прочувствовать написанное. Задача оказалась не из сложных, письмо «чистое», без каких-либо помех, наложения событий, времени, лишних вибраций и слов — ничто не мешает узнать содержание всего нескольких строк.

«Похоже, Екатерина Алексеевна, я знаю, где мы с тобой завтра встретимся. Пожалуйста, надень короткую юбку, это меня немного утешит. Надеюсь, ноги у тебя не кривые, не осложняй мою жизнь».

Отправив конверт обратно в почтовый ящик, Глеб немного выровнял дверцу, кое-как прикрыл ее и вышел на улицу.

Пять... Как такое возможно?

— Что-то не пойму, вы вроде должны регулировать справедливость на этой земле. А где в данном случае ваша хваленая многовековая справедливость, а? — зло спросил Глеб, глядя на облака. — Потерялась в многочисленных бумагах и папках? Так поищите, время есть. Целая вечность!

ЮЛИЯ КЛИМОВА

* * *

В конце статьи напрашивалось троеточие, но Катя сделала последний абзац решительным, жизнеутверждающим, стойким и короновала его уверенной точкой. Наверное, на нее сейчас влияло приближающееся лето: хотелось встрепенуться, встряхнуться и отправиться в дальнее путешествие, где шум прибоя растеребит душу, ветер перемешает мысли, улыбка перестанет быть вежливой и обязательно сбудется какая-нибудь тайная мечта. А уж мечтать Катя всегда умела и любила, особенно уютно устроившись на диване с чашкой кофе, книгой и пледом. Много лет назад она сбежала из Питера в Москву и сейчас уже не смогла бы вспомнить, что тогда больше подтолкнуло к переменам: несчастная любовь или желание начать самостоятельную жизнь. Скорее всего, и то и другое.

Трехкомнатная квартира на Поварской улице досталась от бабушки и бабушки. Катя часто прилетала и приезжала к ним в гости и всегда радовалась нарочито ворчливому, но бесконечно доброму приветствию: «Явилась не заплылилась. Мой руки, бабка наша уже вся извелась, третий раз картошку разогревает». «Ой, не ври, ой, не ври, — неслось нараспев с кухни в ответ, — у меня все просчитано до минуты. Позволь напомнить, что я сорок пять лет прожила с юристом, а это, знаешь ли, даром не проходит».

По мужской линии с давних пор в семье все так или иначе имели отношение к правоведческим и юридиче-

Ветер подскажет имя

ским наукам. И Катю, за неимением другого претендента продолжить семейную традицию, родители тоже благословляли на этот проторенный путь, но она любила точки, запятые, троеточия и однажды окончательно и бесповоротно поставила в этом вопросе восклицательный знак. Сразу за уверенным «нет».

После смерти мужа бабушка — Капитолина Андреевна, прожила лишь два года, тоска и горе слишком сильно жали ее немолодое сердце. Иногда, заваривая чай, Катя слышала далекое: «Не ленись, добавь мяты и лимона, аромат будет божественный», в такие моменты она чуть опускала голову, улыбалась с долей грусти и запрещала себе лениться.

— Пора домой, — выключив ноутбук, быстро прибравшись на столе, Катя подхватила с вешалки вязаный кардиган, взяла сумку, попрощалась традиционным «Всем пока!» и покинула редакцию. Нужно заскочить в магазин, купить молоко, мюсли с изюмом и лесными орехами, немного овощей, сыр и маслины. Не забыть бы пену для ванны, крем для рук и... «Пожалуй, маленький пакетик фруктового мармелада». Хотя поход в магазин можно перенести и на завтра, кажется, в холодильнике есть чем поживиться.

Катя не была привязана к офису, она могла работать и дома, причем сколько пожелает, но ей нравилось погружаться в разноцветную суету редакции и плыть к изведанным и новым берегам. Потрескивание принтеров, редко цветущие орхидеи на подоконниках, стопки журналов и газет, обсуждение, смех, вкусные обеды в столо-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

вой на первом этаже, аромат кофе практически везде... Ради этого стоило каждое утро спускаться в метро, заходить в вагон и ехать на «Алексеевскую». А вечерний путь домой почти всегда хотелось немного растянуть, будто до конца дня еще куча времени, гуляй сколько хочешь. Катя то застревала в кинотеатре, то в книжном, то в кофейне, где продавали свежесдобленную выпечку и ароматный черносмородиновый чай. Маленькие столики для желающих быстро перекусить и вечная надпись мелом на черной доске: «Еще один вкусный день».

Родители остались в Питере, несколько раз в год Катя устремлялась к ним, накупив гору подарков. Праздники, конечно, только вместе. Около лифта ее традиционно встречал аромат медово-яблочного кекса, а уж затем теплая улыбка мамы и сдержанная отца. Скучение на два города, но так получилось и иначе уже не представлялось возможным.

А еще в Питере остался осколок разбившейся вдребезги любви, длившейся три непростых года и закончившейся сухим: «Извини, я встретил другую». Честно, и то хорошо, могло быть хуже. Сейчас Катя не понимала, отчего так страдала, то есть чуть-чуть, самую малость, больно и теперь, но тогда казалось, будто сердце обложили хорошо высушенными дровами и подожгли. Как же ярко и губительно оно горело, как неистово билось и просило пощады... Нет, любовь больше не нужна. Зачем? Может, через сто лет, если закроют любимую кофейню с миндальными круассанами и черносмородиновым чаем или государство введет катастрофический

Ветер подскажет имя

налог на одиночество. Катя улыбнулась, открыла дверь подъезда, прошла мимо почтовых ящиков, привычным движением убрала волосы от лица и, угадывая в душе пока еще непонятное предчувствие, остановилась. Голова медленно повернулась влево — именно там, за спиной, осталось нечто важное и пока незамеченное. Стена, трещина... Взгляд почти сразу выхватил помятую, покосившуюся дверцу почтового ящика, которая будто говорила: «Я тут совершенно ни при чем. Висела, никого не трогала, но... Помогите, спасите, теперь меня нужно чинить!»

«И кто это сделал? — Катя поправила ремешок сумки, устало вздохнула и пошла обратно. — Я не храню здесь деньги, ценные бумаги, карты с указанием, где зарыты сокровища древности, драгоценности... Так зачем? Делать кому-то нечего...»

Осмотрев причиненный ущерб, она немного приподняла дверцу и легко, без особых усилий и ключа, открыла ее. Увы, завтра придется звонить в диспетчерскую и просить исправить акт вандализма. Интересно, сколько это будет стоить?

Катя заглянула в ящик, достала узкий конверт, повертела его в руках и небрежно отправила в сумку. Конверт без почтовых отметок, наверное, очередная реклама пластиковых окон или ремонтных услуг.

«Дорогие жильцы, у вас не бывает такого ощущения, будто реклама размножается в темноте, пока мы спим? Последнее время я думаю именно так. Представляю, какой шорох стоит в подъездах в полночь, когда флае-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ры, брошюрки и визитки оживают и устремляются друг к другу со всех сторон...»

Прикрыв дверцу, Катя поднялась по ступенькам, нажала кнопку лифта и позволила себе второй вздох. День не должен заканчиваться на огорчительной ноте, пожалуй, нужно утешить себя вкусным ужином и, быть может, бокалом вина. Зеленый салат с брынзой и курица вполне подойдут. А самый простой и быстрый способ приготовления куриной грудки — это обмазать ее дижонской горчицей, той, что с семенами-зернышками, и пожарить на растительном масле. Соль не нужна. Раз, два, три, и ты начинаешь чувствовать себя немножко шеф-поваром, потому что без усилий получаешь вкусное и оригинальное блюдо.

Прогоняя мысли о сломанном почтовом ящике прочь, Катя специально углубилась в процесс приготовления ужина и, уже перешагивая порог квартиры, почти не чувствовала огорчения. Бабушка всегда говорила: «А ты не раскисай, подумай, судьба выкинула фортель! Руки, ноги, голова есть? Вот и пользуйся». В таких случаях Катя в основном пользовалась головой и литературным талантом. Сбежать в вымышленный, но весьма стойкий мир очень просто, если ты в минуту можешь выстроить его именно таким, как требуется. Вплоть до мельчайших подробностей, до тактильных ощущений и запахов, до шорохов, скрипов и отдаленных, но настойчиво зовущих мелодий.

О письме Катя вспомнила после ужина, когда села за ноутбук проверить почту.

Ветер подскажет имя

— Ах, да, — тихо произнесла она, подхватила чашку с кофе и направилась в коридор, делая по пути несколько маленьких глотков.

Конверт оказался довольно плотным, в подъезде Катя не обратила на это внимания. «Что там?» Она вынула глянцевую карточку бежевого цвета с витиеватым узором в правом нижнем углу и быстро пробежалась взглядом по ровным строчкам.

«Аукционный дом «Ампир» и галерея «Витроль» приглашают Вас на закрытый аукцион.

Лоты: карманные мужские часы из коллекций Демаре и Леграна.

Ведущий аукциона — Марк Гутман.

Приглашение на одно лицо. Пятый зал, место № 28».

Дата. Время. Адрес.

Если бы не имя Марка Гутмана, Катя бы выбросила приглашение сразу: слишком много хитрой рекламы развелось в последнее время. Но этот человек был хорошо известен в определенных кругах, и, конечно, никогда бы не согласился провести дешевое или сомнительное мероприятие. Звездная болезнь давно держала его за руку и не отпускала.

Катя знала о Гутмане предостаточно и, в отличие от многих, не испытывала к нему симпатии. Высокий, склонный к полноте, холеный мужчина лет пятидесяти. Он то говорил быстро, будто боялся, что его остановят, то слишком медленно, давая возможность присутствующим оценить его ум и в нужном месте разразиться овациями. Лет двадцать назад Гутман был посредствен-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ным актером, потом увлекся журналистикой, а уж затем его потянуло в мир моды и искусства. Несколько удачных шуток, представительная внешность, умение расположить к себе собеседника, нужные связи... Марка Гутмана довольно часто стали приглашать на различные мероприятия и в качестве гостя, высказывающего свое мнение, и как ведущего. Его фотографии несколько раз мелькали на страницах журнала, в редакции которого работала Катя.

Закрытый аукцион.

Но почему пригласили?

Быть может, на одной из недавних презентаций она оставила визитку?..

Наверняка оставила, только какое отношение имеют к ней карманные мужские часы из коллекций Демаре и Леграна? Подобного редакторского задания не было, да и чаще приходится писать в разделы «Стиль жизни» и «Культура», о коллекционерах же, ювелирных изделиях, ретроисториях, антиквариате сочиняют другие.

Закрытый аукцион.

Да на него и не попадешь так просто! А тут приглашение...

Вернувшись к ноутбуку, Катя зашла на сайт галереи «Витроль» и убедилась в том, что аукцион состоится завтра, как и указано на карточке, и ведущим действительно будет Марк Гутман.

«В феврале вышла моя статья о международной денежной ярмарке в Берлине, а в марте я подготовила неплохой очерк о редких австралийских опалах... Но все

Ветер подскажет имя

же это не поводы приглашать меня в круг избранных. Надеюсь, организаторы не думают, что я смогу купить коллекционные мужские часы на свою зарплату. И не просто купить, а хорошенько поторговаться и вырвать желаемый артефакт из рук скучающего миллионера и тем самым создать интригу и поддержать аукционную суету».

Улыбнувшись, Катя небрежно отправила приглашение в верхний ящик стола, сварила кофе в турке и сделала попытку немного поработать, но мысли все тянулись и тянулись в галерею «Витроль»...

Скорее всего, это ошибка.

Но почему бы не воспользоваться и не посмотреть, как проходят подобные аукционы, какая собирается публика, идут ли бои за лоты или действие напоминает скучную игру уставших зрителей? И, кстати, об этом можно написать статью и предложить ее для печати... Катя представила, как Горин поправляет очки, смотрит на нее минуту (длиною в жизнь) и многозначительно произносит: «Екатерина Алексеевна, мы с вами договаривались, что в первую очередь вы будете выполнять свою непосредственную работу, а уж потом... — Откинувшись на спинку начальственного кресла, он побарабанит пальцами по столу и добавит гораздо легче и проще: — Мне сейчас некогда, давай поговорим об этом в другой раз, и, если не трудно, принеси кофе».

Выдвинув ящик, Катя протянула руку и коснулась приглашения кончиками пальцев. Глянцевая поверхность мгновенно подарила прохладу, но по руке поче-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

му-то волной побежало тепло. В душе вспыхнуло любопытство и что-то еще неуловимое...

— Я поеду, — прошептала Катя, перечеркивая оставшиеся сомнения.

ГЛАВА 2

Пять женщин...

Глеб расхаживал по гостиничному номеру как зверь в клетке, дымил сигаретой и то смотрел на часы, то в окно, то бросал весьма выразительные взгляды на потолок. «Хорошо устроились... Вы там, значит, бумажки перебирать будете, а я тут гибнуть на передовой? Предлагаю — три. Это же отличная цифра, не находите? А если учесть, что одну красавицу я уже пристроил в хорошие руки, то остается не так уж и много. Екатерина Алексеевна Щербакова. Ладно. Пусть. Потом еще какая-нибудь Марья Ивановна, и все. Точка!»

Он резко сел в кресло, положил ногу на ногу и скрестил руки на груди. Но ответа традиционно не последовало, Глеб не имел права диктовать условия или торговаться. Вернее, попробовать мог, но еще ни разу подобные разговоры не закончились в его пользу. Собственно, они всегда заканчивались самой обыкновенной тишиной.

Просидев неподвижно около трех минут, Глеб медленно поднялся, достал из холодильника пиво, открыл бутылку, сделал два больших глотка и театрально-торжественно произнес:

Ветер подскажет имя

— Дамы и господа, леди и джентльмены, перед вами лучший Амур всех времен и народов. А что это значит? — Он усмехнулся и прищурился, точно уже начал искать, в кого бы прицелиться отточенной стрелой. — А это значит, что хотите вы того или нет, но однажды я постучусь в вашу унылую дверь, чтобы сделать вашу жизнь... Ну, скажем, невыносимо прекрасной. Вы готовы стать счастливыми? Нет? А кого это волнует? Уж точно не меня. — Стукнув бутылкой по столу, Глеб сунул руки в карманы спортивных брюк, поднял голову и спросил: — Многоуважаемая Небесная канцелярия, я сейчас все правильно объяснил? Замечаний и поправок не будет? Отлично... — Глеб помолчал немного, раскачиваясь на пятках, затем вразвалочку направился обратно к креслу. — Ладно, будь по-вашему, но потом я получу свободу. И не какую-то жалкую — на неделю, а нормальную! Слышите?! Хотя бы на месяц. — Он улыбнулся и произнес тихо, растягивая слова: — Катя Щербакова... Катя... Хорошее имя, между прочим.

У Глеба была своя Катюшка, но эта история насчитывала больше десяти лет.

Когда-то он довольно весело жил, ни в чем себя не ущемлял, в темное время суток частенько бодрствовал, а днем отсыпался. Ночные клубы имеют свойство затягивать в свои сети, а легкие деньги дарят те удовольствия, к которым быстро привыкаешь и от которых потом и не думаешь отказываться. Алкоголь, женщины, «бравые» приятели — все краски лихой жизни. Кто-то, проходя мимо, хлопнет по плечу, мол, как дела, пойдём

ЮЛИЯ КЛИМОВА

посидим, выпьем, а кого-то зацепишь взглядом ты: «Эй, давай сюда! Мы тут нормально сидим, присоединяйся!» Необременительная дружба без обязательств, начинающаяся и заканчивающаяся почти всегда или за барной стойкой, или за карточным столом. Но однажды на твою обманчиво пеструю жизнь по непонятной причине проливается свет, и нежное, трогательное создание каждый вечер, засыпая, с мольбою начинает шептать: «Господи, спаси его, не меня». И вроде не заслужил, а все равно шепчет. Откуда взялась такая?..

С Катюшкой Бероевой Глеб познакомился в любимом ночном клубе. Странная картина: среди прыгающих пятен цветомузыки и сигаретного дыма — хрупкая девушка в инвалидной коляске. Легкое белое платье, летние рукава-крылышки, светлые волнистые волосы и большие голубые глаза. «Люди добрые, да что ж это делается. Ангелы шляются по ночным забегаловкам!» — с иронией тогда подумал Глеб. А она влюбилась в него, вот в такого, и никто не смог бы ей запретить мечтать о невозможном счастье. «Как вас зовут? Вы уходите? Спешите? Жаль...» — в ее голосе не было кокетства или игры. Инвалид, семнадцать лет, негде ей было грязи нахвататься. Катюшка... Она уговорила отца пригласить Глеба на работу в их дом. «Обидишь ее... убью», — предупредил Бероев и устранился, не мешая дочери общаться с тем, с кем она считала нужным. Он знал, ей остались считанные дни, так чего уж теперь...

Катюшка не умела скрывать чувств, и Глебу нравилось ее поддевать: выполнит обязанности няньки и уез-

Ветер подскажет имя

жает туда, где много красивых женщин, а коньяк и виски льются рекой. «Я скоро умру, — произнесла она однажды. — Ты только папе не говори, что мне это известно, а то он расстроится. Хочешь, скажу правду? Я много думаю о тебе... И знаешь, о чем я теперь прошу Небеса? Я говорю так: «Господи, спаси его, не меня». Глеб, ты неправильно живешь, а я не хочу, чтобы ты потом мучился».

Ангелы, они такие. Не за себя молятся.

Как же Глебу нравилось дразнить Катюшку, смешить, заглядывать в ее голубые глаза и читать в них так много... Но она умерла, и в черно-серой жизни не осталось ничего хорошего. Будто ему дали шанс понять, прочувствовать, попробовать, как может быть, если заслужить и пойти другой дорогой. «Господи, спаси его, не меня». Глеб тогда не знал, что Катюшка этими простыми словами, произнесенными много раз тихо и искренне, действительно спасала его.

Полгода он мотался по разным городам, работал на звезд шоу-бизнеса, устраивал рекламную шумиху, когда требовалось — прикрывал вверенных ему певичек, традиционно пил и гулял, получая привычные удовольствия. Но теперь тянуло на подвиги, чтоб адреналин зашкаливал, мысли путались, и воспоминания не давили на душу и совесть. «Да пошли вы все...» — Глеб все чаще произносил эту фразу и несся дальше. Туда, куда влекло течение беспутной жизни.

Вернувшись в Москву, он первым делом направился в ночной клуб. Почему бы не отдохнуть со старыми

ЮЛИЯ КЛИМОВА

добрыми приятелями, наверняка соскучились, да и есть о чем рассказать, наколесил по стране немало. Вот там-то Глеб в пылу беседы и поспорил с тощим скрягой Павлом Демченко, что выпьет полбутылки водки и бодро пройдет по краю крыши. Четвертый этаж, это ж не пятнадцатый, лететь недолго. Алкоголь так часто дарует ощущение бессмертия...

Глеб прошел не много: нога подвернулась, картинка задрожала, сердце дрогнуло, и он устремился вниз, где холодный асфальт терпеливо ждал свою жертву. Смерть была глупой, быстрой и безболезненной, а затем: долгая, тягучая темнота, ватная невесомость, пот по спине ручьем, притупившиеся чувства, слабость во всем теле...

Куда? Зачем? С возрастающей скоростью Глеба тащило вперед, в черноту, туда, откуда веяло гарью и смрадом, с каждой секундой воздух становился горячее, и можно было не сомневаться: главное пекло уже близко, буквально рукой подать. Но невидимая дорога оборвалась, Глеба развернуло и потянуло в другую сторону. Тошнотворные запахи остались далеко позади, короткая вспышка на мгновение ослепила, ноги коснулись пола, и удушающее одиночество подкатило к горлу. Невозможно чувствовать себя спокойно после такого путешествия, да еще в голове настойчивый молоточек: «Я умер? Я умер? Здесь кто-нибудь есть?..»

Да, умер.

Упал с крыши.

Раз — и все.

Навсегда.

Ветер подскажет имя

Оказавшись в большом белоснежном помещении, рядом со столом, за которым сидел мужчина в белом костюме и белой рубашке, Глеб не мог отыскать в душе уверенность. Не каждый день приходится прощаться с жизнью и отправляться на тот свет. Шершавый страх полз по спине, а интуиция подсказывала, что он здесь такой один... «простой смертный». Самое время задавать вопросы и получать на них ответы.

Незнакомец занимался бумажной работой и не обращал внимания на гостя. Или... делал вид, что не обращает.

«— *Где я?*

— *В Небесной канцелярии.*

— *И что я здесь делаю?*

— *Стоите, мнетесь, любопытствуете и мешаете мне работать».*

Глеб угадывал иронию в каждом слове, но лицо незнакомца не выражало никаких эмоций. Как же хотелось перечеркнуть непонятную реальность, изменить настоящее и опять оказаться в клубе с друзьями-приятелями. Уж он бы теперь не полез на крышу, да и, возможно, пересмотрел бы количество потребляемого спиртного на ближайшую неделю.

«— *Объясните, что происходит? Я все же скончался, и мне нужна срочная психологическая помощь. Как тут у вас с милосердием, а?*

— *Не стоит повышать голос. Все просто. Вы, как бесспорный грешник, должны были попасть в ад, но за вас просила добрая и чистая душа, мы не можем ей отказать.*

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— *Какая душа?*

— *Добрая и чистая. У нас долг перед этой душой, поэтому мы вынуждены выполнить просьбу».*

Катюшка... Значит, не зря она молилась и верила, что спасет. Маленький ангел с большими голубыми глазами, крошка, победившая в игре «Кто сильнее?». Глеб бы многое отдал, чтобы увидеть ее хотя бы раз, но перед грешниками двери рая не открываются.

«— Отлично, в ад мне нельзя, в рай не пускают. И где я должен торчать, по-вашему?»

Сначала ответом была тишина, а затем незнакомец протянул Глебу обыкновенную анкету и спокойно произнес: *«Добро пожаловать в Небесную канцелярию».*

На Земле, как оказалось, предостаточно дел для «бесмертных охотников». А если постараться и выполнить задание на пять с плюсом, то можно получить заслуженный отдых с весомой порцией свободы.

Теперь Глеб мотался по городам и селам, чему был несказанно рад (хорошо хоть за бумажную работу не посадили, есть ли что-то хуже этого?), и за десять лет вполне привык к новой жизни. То где-то гибли в огне исторические архивы, то любители легкой наживы намеревались обчистить церковь, то археологи взялись за раскопки не там, где нужно, то тайное могло стать явным намного раньше положенного срока... Для решения поставленных задач Глеб получал определенный объем «волшебной» силы, которую не следовало транжирить направо и налево (восполнялась-то она медленно), и это здорово помогало в некоторых ситуациях. И все шло бы

Ветер подскажет имя

отлично, но что делать с горячо любимыми вредными привычками, наглостью, цинизмом и, главное, со скукой? Глеб и не собирался становиться другим, наоборот, в тот день, когда он впервые поступил на службу, и начались его особые отношения с Небесной канцелярией. Душа требовала хотя бы иллюзию свободы, не отказывать же ей в такой малости. «Ладно уж, пойду спасу мир в сто первый раз. А вы тут ждите меня, скоро вернусь».

Иногда Глеб пускался во все тяжкие и явно перебарщивал. Поутру, выползая из своей белоснежной комнаты с чугунной от похмелья головой, он разводил руками, улыбался, наливал воду в большой стакан, говорил: «У меня был тяжелый день, надеюсь на понимание, сочувствие и поддержку», — и вразвалочку удалялся к себе, отсыпаться. Но чуть больше двух недель назад Глеб переборщил: не стоило тащить в Канцелярию бутылку виски и, размахивая руками, с трудом удерживая равновесие, петь и отбивать чечетку на белом столе. Потом даже не получилось вспомнить: рухнул ли он в пылу ритма со стола на пол или ему помогли слезть... Очнулся Глеб в лесу, и чуть позже ему дали понять, что терпение лопнуло и за содеянное придется отвечать. Нет, он больше не первоклассный охотник за артефактами, не спаситель пыльных библиотек, не добытчик и не ловец, у него появились новые обязанности, цели и задачи: он должен помогать одиноким женщинам в поисках любви. То есть теперь он... «Долбаный Амур!»

Глеб надеялся, что речь идет только об одной девушке и, смирившись с неизбежным, отправился в Утяти-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

но, где помог Лесе Сотниковой стать счастливой. «Практически сказочного принца ей подогнал, не мешало бы и поблагодарить меня за это». Но оказывается, это была лишь малая доля наказания... Пять женщин. Пять!

— Катя Щербакова, — повторил Глеб, вспоминая поломанный почтовый ящик и узкий белый конверт. *«Аукционный дом «Ампи» и галерея «Витроль» приглашают Вас на закрытый аукцион...»* — Значит, свидимся завтра.

Та сила, которую Глеб получал на выполнение какого-либо задания, позволяла многое. Например, прочувствовать предметы и извлечь информацию об их прошлом или настоящем, если, конечно, ничего не мешает сосредоточиться и пробраться под слои времени. Частенько получалось управлять людьми, исключения составляли слишком сильные, умные, независимые личности. Бывало, Глеб чувствовал запрет Небесной канцелярии: «На судьбу не влиять», такого человека он и не трогал.

— Станешь ли ты меня слушаться, Катя? Сомневаюсь... Наверняка тоже окажешься крепким орешком...

Скорее всего, завтра включится внутренний навигатор, и Глеб всегда будет знать, где приблизительно находится его новая подопечная. Это удобно, особенно в большом городе, но дома, стены, замки и двери не позволяют подобраться к Екатерине Щербаковой близко...

— Может, по-быстренькому сменить пол с мужского на женский и стать ее лучшей подружкой? — усмехнулся Глеб, почесывая небритую щеку. — Ладно уж, не волнуйтесь, я на такие подвиги категорически не способен.

Ветер подскажет имя

* * *

Давным-давно...

Платоновы имели обширные связи в торговой среде, и Павел нехотя принял приглашение на торжественный ужин, посвященный шестидесятипятилетию главы семьи. Буженина под луком, соленая и копченая рыба, запеченная утка, рулеты из индейки на гречневой каше, телятина с черносливом и изюмом, пироги и кулебяки, всевозможные закуски занимали большую часть стола и являлись гордостью Марьи Ильиничны Платоновой.

— Кушайте, милости просим, — мягко улыбаясь, говорила она и поглядывала на разомлевшего от клюквенной настойки мужа. — Василий Семенович буквально требовал подать ровно то, что готовила его матушка, никаких новшеств не жалуется.

Но присутствующие ели скромно, их куда больше интересовали разговоры и предстоящие танцы, чем еда. Огромный дом Платоновых, раскинувшийся крестом неподалеку от церкви и речки, позволял принимать много гостей и устраивать те увеселения, которые были угодны хозяевам. Наблюдая за размеренным ходом вечера, Павел не мог не вспоминать званые ужины в Петербурге, где присутствовала легкость и интрига, где он получал столько удовольствий... В том числе и от устриц.

— Я все гадаю, когда у тебя закончится терпение и ты уедешь отсюда, — усмехнулся Гришка, осторожно

ЮЛИЯ КЛИМОВА

разглядывая юную блондинку в бледно-розовом платье с атласным поясом и полупрозрачными цветами на груди.

— Не раньше июля, — ответил Павел и лениво проследил за взглядом приятеля. — Вечно тебя тянет на тощих.

— И я поеду. Отец обещал отпустить хотя бы на месяц, а если он узнает, что я с тобой, то и вовсе возражать не станет.

— Нашел твой родитель, кому доверять.

— Да, он тебя уважает и мне в пример всегда ставит. — Гришка улыбнулся и сморщил острый нос. Ему очень хотелось походить на Павла, но добродушный характер и простота никак не позволяли развиться уверенности в себе, холодности и цинизму. — Смотри, Стрыгин приехал, сейчас напьется и прицепится к кому-нибудь, дела у него вроде с осени пошли хуже, поговаривают, всю зиму злой как собака проходил.

Нехотя обернувшись, Павел увидел нового гостя и презрительно скривил губы.

— Похоже, наши с ним дорожки пересекутся на торговле лесом.

— Как бы не было у тебя проблем, — ответил Гришка.

— Я сам кому хочешь проблемы устрою. Это дочка его?

— Нет, падчерица — Александра Образцова. Приятная, да? Стрыгин ее от себя ни на шаг не отпускает, поговаривают, что мать ей оставила большое наследство, вот только Александра может получить его лишь после

Ветер подскажет имя

замужества. Наверное, мать боялась, что иначе Стрыгин все отберет, да и хотела, чтобы дочка сама себе мужа выбирала. Деньги-то позволяют.

— Ее мать давно умерла?

— Года три уж. Подозреваю, Яков Петрович несчастную и извел. Я слышал, что прошлой весной он собак на своего работника спустил, а кто ему что сделает? Бояться, да и куплены все у него.

Павла не слишком интересовала персона Стрыгина, а вот Александра опять привлекла внимание. Просто одетая, худенькая, маленькая, она стояла рядом с широкоплечим громоподобным отчимом и, коротко улыбаясь, скромно отвечала на приветствия. Вокруг нее точно существовала невидимая стена, которую хотелось не только разрушить, но и растоптать. Павел не смог бы объяснить почему. Вероятно, от того, что эта стена была сильнее его и защищала Александру? «А я предпочитаю беззащитных».

— Сколько ей лет?

— Если не ошибаюсь, семнадцать. — Гришка уже терял интерес к Стрыгину, и, как назло, предмет его наблюдений — незнакомая худенькая блондинка — куда-то исчезла.

Мысленно Павел вернулся к встрече около поля, Александра тогда ехала домой в пролетке, и то смутное ускользящее ощущение давней встречи вновь обожгло сердце. Наклон головы, глубокий взгляд, тонкие руки, волосы по плечам и резкое солнце, от которого хочется отмахнуться...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«Вспомнил. Года четыре назад я навешал брата... начало лета... нескладная девчонка плела венок у реки...»

Он тогда забавы ради решил ее напугать: проплыл под водой и резко вынырнул близко к берегу. А она не испугалась, положила венок на край мостка, сказала: «Это вам», сверкнула зелеными глазами и убежала, оставив после себя невидимое облако пылицы одуванчиков.

Павел широко улыбнулся, посмотрел на скучающего Гришку и, предчувствуя охоту, смешанную с удовольствием, уверенно произнес:

— Я хочу ее.

— Кого?

— Александру Образцову.

— Сдурел? Зачем она тебе нужна?

— Точно сказать не могу, — насмешливая улыбка скользнула по тонким губам Павла, — но меня это явно развлечет.

— Ты жениться, что ли, собрался? — на всякий случай уточнил Гришка.

— Нет, это, конечно, не для меня.

— Тогда как?

— Сейчас ты задал один из самых глупых вопросов.

— Пашка, жизнь ей испортишь, и не сомневайся.

— Выйдет потом замуж, как все.

— Не связывайся со Стрыгиным, помяни мое слово, плохо дело закончится! — У Гришки от волнения на лбу выступил пот и покраснелись щеки.

Ветер подскажет имя

Павел еще раз посмотрел на Александру, скользнул взглядом по ее аккуратной фигуре и тихо, но твердо произнес:

— Плевать на все.

ГЛАВА 3

Еще утром Катя внимательно изучила сайт галереи «Витроль». Задержавшись на странице с фотографиями интерьера, она сделала первую попытку уловить атмосферу и подобрать одежду для аукциона. К счастью, залы не слепили золотом и хрусталем, по углам не стояли античные скульптуры и мраморные львы, не устремлялись вверх к потолку зеркала в тяжелых узорчатых рамах. Да, помещения большие, наверняка по ним любит гулять эхо, и обстановка, конечно, говорит о том, что галерея не из рядовых, но оформление сдержанное, в серо-бежевых тонах, и общая аура спокойная и приятная.

Сначала Катя выбрала длинную черную юбку и белую блузку с широкими рукавами и кружевными манжетами. С одной стороны, строго, с другой, есть определенный романтизм и претензия на душевную свободу. А свободы там явно будет не хватать, вряд ли получится чувствовать себя комфортно среди желающих купить коллекционные мужские часы.

«Я буду тайным агентом, подглядывающим и подслушивающим... — Катя коротко улыбнулась и прошла задумчивым взглядом по вешалкам. — Доверьте мне

ЮЛИЯ КЛИМОВА

свои маленькие и большие секреты, я никому о них не скажу... Возможно».

Хорошее настроение и немного шаловливый настрой торопили время и заставляли фантазировать. Вдруг у нее что-нибудь спросят...

Какими судьбами?

Что бы хотели приобрести?

«Понимаете... Я не знаю, почему я здесь, и меньше всего на свете меня интересуют часы, — мысленно отвечала Катя и пожимала плечами. — Но мне очень интересно, что и как произойдет. Не волнуйтесь, я не стану мешать, лишь посижу тихонько на своем двадцать восьмом месте, а потом уйду, растворюсь в воздухе».

С одеждой она окончательно определилась к трем часам: все же платье. Светло-серое, по фигуре, не длинное и не короткое — чуть ниже колен. Несмотря на плотность, ткань дарила уют, элегантность и простота радовали глаз в отражении. Если захочется, то всегда можно слиться с окружающей средой, а если душа потребует решительный шаг вперед, то ничто не помешает сделать это.

С волосами Катя мудрить не стала. Каре заканчивалось чуть ниже подбородка, вариантов для укладки предостаточно, но лучше просто расчесать, немного взбить и с одной стороны убрать пряди за ухо. Идеальность в образе бывает скучна и часто добавляет возраст, Катя любила небрежность — легкую, почти неуловимую. Собственно, о возрасте ей можно и не беспокоиться, благодаря природной худобе, обаятельной улыбке, красоте

Ветер подскажет имя

выразительных серых глаз, ухоженности Катя выглядела гораздо младше своих двадцати девяти лет.

К вечеру похолодало, но не хотелось брать плащ, и эту проблему Катя решила иначе — вызвала такси. Удобно устроившись на заднем сиденье, она смотрела в окно, размышляла над тем, зачем ей все же прислали приглашение, и гадала, удастся написать интересную статью или нет. Не про весомые лоты и различные ценности, представленные в «Витроле», а про людей: как они ведут себя, как приглядывают друг за другом, ловят движения, взгляды, как бьются за желаемую добычу и как расстраиваются, если проиграли.

Дверь галереи — высокая, тяжелая — открылась и закрылась бесшумно, что совсем не подходило тому впечатлению, которое она производила. Катя ожидала услышать скрип и скрежет и даже почувствовала разочарование от того, что ее предчувствие не подтвердилось.

«Куда идти? Где пятый зал?»

Сайт не обманул, увиденное точно совпало с фотографиями: специально состаренная серая доска пола, светлые бежевые стены, редкие черные акценты, картины, стеклянные этажерки на высоких ножках, то слишком яркое, то приглушенное освещение, большие окна... Посетителей совсем мало, и эхо действительно скачет от стены к стене, от пола к потолку: шаги звучные, голоса одновременно приглушенные и яркие.

Третий зал... четвертый... А вот и пятый.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Добрый день. Ваше приглашение? — бархатным голосом попросил высокий светловолосый мужчина в черном костюме.

— Одну минутку.

Вынув из сумочки конверт, Катя протянула приглашение и замерла, ожидая ответа. Последний рубеж, преодолев который, она получит возможность тайно понаблюдать за чужими страстями.

— Пожалуйста, проходите, — мужчина кивнул и открыл дверь.

* * *

Глеб почувствовал ее, но не стал оборачиваться сразу, давая возможность обжигающему любопытству пробежаться по позвонкам и накалить нетерпение до предела. Еще секунда, еще одна, вот сейчас... Мышцы напряглись, голова медленно повернулась влево, улыбка скользнула по губам, глаза прищурились в попытке сразу выхватить из картинки «жертву» — Екатерину Щербакову.

«Что ж, спасибо, очень даже неплохо... Но буду честен, экземпляр на твердую пятерку не тянет. Это я о том, что грудь маловата. — Глеб усмехнулся и огляделся, будто выбирал, к какой подойти картине, затем сделал несколько шагов к яркому натюрморту и остановился, сунув руку в карман. — Метр семьдесят, пожалуй, есть... Притягательная, я бы даже сказал, нездешняя... В хорошем смысле этого слова. И слишком худая, на мой вкус. Возраст, возраст... — пропел он, гадая. —

Ветер подскажет имя

Та-а-ак... Давно перевалило за двадцать, но тридцатника еще нет. Двадцать пять? Двадцать семь? Да, приблизительно так. Хорошо, что не восемнадцать, хотя... Еще неизвестно, с кем больше возни. Ну, самое время подвести итог: счастьем быть, и есть шансы уложиться в рекордно короткие сроки. Осталось только принца дожидаться, но, как показывает практика, этого добра поблизости всегда хватает. Даже лишние остаются».

К великому сожалению Глеба, он не мог заставить двух людей полюбить друг друга (по-быстренькому), а это значительно бы ускорило дело: тяп-ляп — и готово, живите и радуйтесь. Любовь всегда игнорирует любые приказы и живет лишь по собственным законам, в этом Глеб лишний раз убедился в Утятине. Концентрируй внимание, формулируй фразу, оттачивай стрелу сколько хочешь, прицеливайся... Бесполезно. Максимум, на что можно рассчитывать, — на симпатию, но сколько она продлится? Вряд ли долго, искусственные чувства претендовать на вечность не могут. Исключено.

«Скорее всего, ты мне тоже не подчинишься, — подумал Глеб, останавливая взгляд на макушке Кати. Чуть помедлив, он ровно и четко без каких-либо эмоций добавил: — Подними правую руку и коснись щеки».

— Что и требовалось доказать, — тихо произнес Глеб, наблюдая за тем, как Катя открывает сумочку и достает конверт с приглашением. «И откуда же вы все такие пуленепробиваемые беретесь, а?»

Перед Катей распахнулась дверь, она вошла в зал и скрылась из виду, Глеб провел пятерней по волосам

ЮЛИЯ КЛИМОВА

и вразвалочку направился вдоль стены, увешанной картинами. Кривая дорога и покосившийся забор, река, дерево и лодка, осенняя листва, скамейка и одинокая ворона... Глеб относился к живописи с прохладным равнодушием и меньше всего любил как раз пейзажи, но ему нужно было немного подождать и только затем пойти следом. Пусть усядется, устроится, увлечется аукционом.

«Кстати, почему ее пригласили? Может, назначена встреча? Кем она работает и где?.. Ничего, Катя-Катерина, скоро познакомимся поближе, и я узнаю все твои секреты. Они же у тебя есть, правда?»

Глеб приблизился к двери пятого зала и остановился, ожидая вопроса.

— Добрый день. Ваше приглашение?

— Честно говоря, забыл его дома, но, думаю, вы меня пропустите и так. Я, знаете ли, давно мечтаю прикупить знатные часы, да все некогда. — Глеб коротко улыбнулся, в его глазах полыхнул огонь. Той самой особой силы стало чуть меньше. — Сейчас я пройду, — тихо добавил он. — А ты будешь стоять и молчать. Все просто.

Мужчина в черном костюме еле заметно вздрогнул и, мгновенно потеряв интерес к стоящему напротив гостю, отвернулся. Глеб дернул изогнутую ручку двери на себя и зашел в зал. А вот теперь на сцену должны выйти уверенность и наглость, иначе не получится устроиться рядом с Екатериной Щербаковой, и что-то важное наверняка останется незамеченным. А сейчас, по сути, важно все. Да уж, порадуют любые подробности.

«Ну что, малышка, начнем игру?»

Ветер подскажет имя

Глеб подошел к скучавшему в углу стулу, подхватил его и решительно зашагал к сцене, перед которой полукругом в несколько рядов стояли широкие кресла с низкими спинками.

Катя сидела в предпоследнем ряду ближе к краю, и это было очень удобно: не придется пробираться вглубь, все пройдет тихо, без привлечения чьего бы то ни было внимания.

«Кажется, мне следует поторопиться, — хмыкнул Глеб, заметив, что Катя разговаривает с двумя мужчинами. — Один справа, другой слева... Картина маслом! А я, пожалуй, скромно пристроюсь сзади, не против? Жди, уже иду».

Он хохотнул и ускорил шаг.

* * *

Пятый зал кардинально отличался от остальных: нет предметов искусства и старины, с небольшим подъемом сцена, темно-коричневая трибуна с двумя аккуратными микрофонами, широкий белый экран по центру противоположной стены, ряды мягких бордовых кресел. До начала аукциона оставалось полчаса, еще не все приглашенные собрались, и шум голосов пока не нарушал тишину.

Подойдя ближе к сцене, Катя попыталась отыскать свое место, но оказалось, что нумерация имеет странную логику: последовательность шла не по горизонтали, а скакала в шахматном порядке, а на некоторых креслах была указана не только цифра, но и буква. Создава-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

лось впечатление, что расстановкой занимался или чу-даковатый администратор, или слишком уж творческая личность. Катя, улавливая в душе ноты волнения и удо-вольствия, предпочла второй вариант. Происходящее нравилось, интрига захватывала, веселье щекотало нос, и приходилось сдерживать постоянную улыбку.

«Чувствую себя сказочной принцессой, заблудив-шейся в лесу».

Наконец, добравшись до двадцать шестого места, Ка-тя вздохнула с облегчением, но предположительно на ее двадцать восьмом сидел молодой мужчина. Белая ру-башка с расстегнутой верхней пуговицей, черные брю-ки и начищенные до блеска ботинки. Почему-то сначала Катя оценила именно одежду, а лишь потом посмо-трела на лицо и встретила спокойный вопросительный взгляд:

— Вы хотите пройти?

Мужчина встал, и Катя сразу увидела цифру на спин-ке кресла.

— Извините, кажется, это мое место...

Протянув приглашение в качестве доказательства, она чуть подняла голову и вновь заглянула в зеленые глаза незнакомца и не обнаружила в них ни удивления, ни раздражения. Он смотрел так, будто перед ним на травинке качалась бабочка, которая от резкого движе-ния могла упорхнуть в любую секунду. Кате понрави-лись и открытое лицо, и короткие волосы цвета горького шоколада, и ямочка на правой щеке. Внешность прият-ная, располагающая и при этом мужественная.